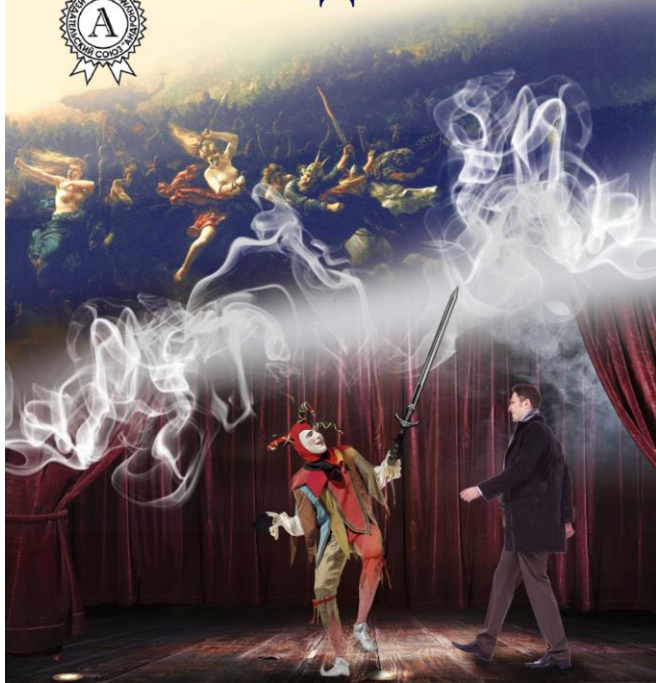

НИКОЛАЙ ПОДДУБНЫЙ

СКАЗАНИЕ О СТРАННИКАХ

КНИГА ПЕРВАЯ
ШУТ ВИНОГРАДНОЙ
ВОДЫ

«Сказание о странниках» — это роман-диалогия о «попаданцах», состоящая из двух книг. Они связаны логически, но в то же время являются самостоятельными произведениями.

Представьте себе, что вы — актёр, но ваш удел — прозябание в тени более удачливых коллег по цеху. И вдруг Фортуна даёт вам шанс выдвинуться на первые роли. Но вместе с этим шансом вы получаете «в нагрузку» обязанность спасти целый мир, в котором реальность переплетается со сказкой, но при этом жизнь ваша подвергается совсем не вымышленным опасностям. Как вы поступите? Сможете ли пересилить свой страх и сразиться с могучим и коварным колдуном или будете прятаться от его гнева? Выбор есть всегда, и герой этой книги его сделал. И этот выбор — только начало необычайного сказания...

Николай Поддубный

Книга первая

Шут виноградной воды

Где-то идёт война
Между добром и
злом.

Всем не везёт, а нам,
Кажется, повезло.
Видно, в особый час
Кто-то составил

план:

Взял и придумал нас,
И поместил в роман.

Ян Лисица

Часть первая. Вежливость королей

Глава 1, в которой выясняется, что грипп может сделать человека не только «овощем», но и звездой

Если вам когда-нибудь доведётся побывать в Семиполье, обязательно посетите театральное кафе «Ветерок». Не сочтите за рекламу, но это провинциальное кафе действительно даст сто очков форы любому столичному ресторану. Там всегда можно попробовать блинчики с икрой, некогда бывшие дежурным блюдом московских извозчиков, свежее пиво местного производства практически не уступает лучшим сортам известных производителей, а уж таких раков как в Семиполье вам не удастся попробовать нигде! А какую тройную уху там готовят! Те, кто попробовал её, готовы отдать всё, что угодно, лишь бы вкусить её аромат ещё раз. А какие цеппелины! Золотистые, и настолько ароматные, что один только запах способен свести с ума даже человека, не считающего себя гурманом. Обязательно всё это попробуйте, но не сразу по приезде, ибо в противном случае у вас не останется сил и времени на осмотр местных достопримечательностей. Их не очень много (город, всё-таки, небольшой — всего

сто тысяч человек), но, как говорят местные жители, их качество одержало безусловную победу над количеством. Любителей старины порадует и древнее замчище, любовно расчищенное археологами, и развалины тюрьмы, триста лет из своей четырёхсотлетней жизни отработавшей крепостью, и церковь, возведённая в семнадцатом веке на деньги известного магната Тадеуша Горы-Пшесецкого, и драматический театр, выстроенный его праправнуком Янушем в веке девятнадцатом. И, конечно же, кафе «Ветерок», построенное напротив театра во второй половине двадцатого века. Ох уж это кафе! Даже губернское руководство, регулярно приезжающее поохотиться в окрестных лесах, старательно обходит это заведение стороной. Ибо, какая же охота с набитым брюхом?

Для начала (мой вам совет!), попытайтесь попасть в местный приют Мельпомены и Талии. Мне, к сожалению, так и не довелось побывать ни на одном представлении, потому лишь, что достать билеты, скажем в БДТ, намного легче, чем в Семипольский драматический театр. Удивительно, но это средоточие местной культурной жизни до сих пор пользуется гораздо большей популярностью, нежели новомодный ледовый дворец, или, скажем, прозябающий где-то на задворках пейнтбольный клуб. Особенно после

знаменитой ноябрьской премьеры. Той самой, когда... Впрочем, обо всём по порядку.

Серый промозглый ноябрьский день с самого начала не сулил ничего хорошего.

— Всё пропало! — голос главного режиссёра Семипольского драматического театра Сидоровича громыхал, как майская гроза. — Где директор, где эта бездарь? Костюмеры?! Декораторы?! — то и дело вопрошал он и его рокошущий бас отдавался эхом в самых дальних уголках театра.

Сидорович шёл по коридорам твёрдой походкой Каменного Гостя, и перекрытия старенького театра содрогались от его могучей поступи. Чуть позади него едва дыша, крался на цыпочках невысокий полный администратор. Со стороны могло показаться, что он охотится за Сидоровичем, как Великий Мамбуван за Бешеным Слоном, но на самом деле он прятался. Этот, всегда казавшийся вездесущим и всемогущим, управленец позорно провалил разработанную Сидоровичем операцию, по вызволению двух актёров из лап местных эскулапов и теперь прикладывал все свои умения, дабы не попасть в поле зрения громовержца. Избежать же взгляда Сидоровича можно было, только находясь за его спиной.

Широкая, похожая на лопату ладонь главрежа, то и дело гулко хлопала по дверям гримёрок. В

курилку, тем не менее, он вошёл очень тихо. Настолько тихо, что режиссёр Солончак, переживавший бурю в самом спокойном, на его взгляд месте, от неожиданности подскочил, увидев у своих ног гигантскую тень руководителя.

— Где Портков? — проревел Сидорович.

— З-заболел, — заикаясь, ответил режиссёр, мысленно проклиная тот час, когда он решил связать свою судьбу с Семипольским театром.

— О, боги, и этот тоже! Всё! На сезоне можно поставить крест! И на театре тоже! На панель с тобой пойдём!

— М-может... — Солончак робко поднял руку, причём его низко опущенная голова так вдавилась в плечи, что он стал похож на знаменитого всадника из книги Майна Рида.

— Что?!

— Дэ-другую пы-пьесу?

— Что? Какую? Ни одна пьеса из нашего репертуара не пройдёт! Мало того, что реквизит застрял в какой-то Хрюковке! Вдобавок проклятый грипп скопил весь цвет труппы! Всё пропало! — он так яростно махнул рукой, что поток воздуха, увлекаемый его большой ладонью, взъерошил волосы подчинённого.

Главреж нимало не покривил душой. Действительно, грипп, о котором в Семиполье до сего дня никто и не слышал, внезапно свалил три

четверти актёров. Причём, произошло это одновременно и совершенно несвоевременно. Впрочем, болезнь бывает желанной и своевременной только в школьные годы, да и то не всегда. Что уж говорить о взрослых? Заботливые врачи, регулярно посещавшие Семипольский драматический театр (в качестве зрителей, конечно), срочно госпитализировали любимых актёров, так что, в ближайшую неделю ни один из них на встречу с любимыми музами рассчитывать не мог. Правда, злые языки тут же распустили слухи, что наследники Эскулапа уже видели премьеру, поставленную прямо в больничных коридорах, ибо там же оказались и костюмеры, и декораторы. Но всё это лишь домыслы, очерняющие наших врачей. Ну, я так думаю, во всяком случае... Впрочем, слухи только подогрели интригу, с каждым часом всё сильнее закручивающуюся вокруг предстоящего спектакля. Город с нетерпением ждал обещанную премьеру, о которой местные газеты писали как о «совершенно новом направлении в творчестве коллектива Семипольского драматического театра». И ведь генеральный прогон позволял надеяться, что чаяния зрителей не будут обмануты. Словом, Сидоровичу было от чего прийти в отчаяние.

— А если...

— Что?! — грозно повёл бровью Сидорович.

— Второй состав — невнятно пробормотал Солончак вжав голову в плечи.

— Что? — брови Сидоровича удивлённо изогнулись, а затем сошлись на переносице. — Второй состав? Что они могут?

— Э-э... Н-ну, мы тут пьесу одну репетировали... — пробормотал, потупившись, сценарист.

— Что? — главреж вытаращился на помощника так, что тому вдруг захотелось сделаться маленьким, как таракан, и забиться в какую-нибудь щель. Он ни в коем случае не хотел посягать на заслуженный авторитет начальника, но вынужденное безделье второго состава накануне премьеры ему совершенно не нравилось, поэтому он и занял актёров исполнением старой пьесы в новом прочтении.

— Вот, — прошептал Солончак и вложил в руку режиссёра свёрнутые в трубку листки бумаги.

— Тэ-эк, — протянул, листая сценарий, Сидорович. — Бесплодные усилия любви?

Его брови снова взметнулись вверх, и тяжёлый стон прокатился по коридорам театра.

— Это же попса, — простонал Сидорович.

— Да, но попса от самого Шекспира! — многозначительно поднял палец Солончак. — Кроме того, в новом прочтении!

— А кто играет короля Наварры?

— Не совсем короля, и совсем не Наварры. Тем не менее, с этой ролью справится только Король! — режиссёр от волнения начал каламбурить, что не ускользнуло от внимания его руководителя.

— О-о-о... Ладно, — Сидорович устало махнул рукой. — Собирай людей.

Собрать второй состав оказалось довольно просто. В ту самую минуту, когда Солончак принимал на себя колоссальную ответственность за сохранение лица театра, все актёры, не занятые в премьерe, находились в кафе «Ветерок» и поднимали далеко не первый бокал за здоровье осветителя.

— Игорёк, — величественно начал свой тост Станислав Иванович Король, прекрасный актёр второго состава, звезда которого на тот момент ещё не взошла, — желаю тебе всегда быть здоровым и иметь богатых друзей, дабы...

— Спасибо, Слава! — именинник не дал закончить тост, поскольку страшно растрогался. Ему исполнилось тридцать, он только что вошёл в полосу очередного кризиса, и был очень эмоционален. — А вам я желаю играть только первым составом!

Стоит ли говорить, что его пожелание сбылось так быстро, что ошеломило не только его, но и всех приглашённых актёров. Дверь резко

распахнулась, и в кафе ворвался растрёпанный Солончак.

— Ребята! — крикнул он. — Это ваш шанс выбраться из вторых ролей! — Бегом на сцену!

Он выхватил у кого-то из рук наполненный бокал и махом осушил его. Примеру режиссёра последовали и ошарашенные актёры. Сообразительней и проворней всех оказался, что не удивительно, Станислав Король. Пока остальные стояли, открыв рты, он дважды наполнил и осушил свой кубок. А бутылку, с отличным армянским коньяком, стоявшую возле него он проворно засунул в карман.

Не прошло и пятнадцати минут, как ошеломлённые таким фортелем судьбы актёры уже стояли на сцене и весьма бестолково играли свои роли. Они ещё не совсем избавились от последствий недавнего возлияния, и вместо своих реплик произносили казавшиеся им остроумными нелепицы.

Сидорович всё больше и больше напоминавший грозовую тучу, в конце концов, не выдержал, и возопил:

— Голуби мои, больше жизни! Что вы как дохлые мухи? Импровизируйте, чёрт возьми, импровизируйте! Суфлёры — не панацея, а только способ немного отодвинуть неизбежный провал. Вперёд, дети мои, тренируемся!

Этот грозный окрик окончательно прогнал остатки хмеля и вынудил актёров подобраться. Они старательно отыграли свои роли и затаились в ожидании вердикта.

— И на что это, по-твоему, похоже? — повернулся к режиссёру, Сидорович.

— На театр, — не задумываясь, ответил тот.

— На театр? — взревел главреж. — Театр абсурда, вот что это такое! Всё, иди, рисуё объявление!

— Какое? — опешил Солончак.

— Он ещё спрашивает! Мы не пойдём с тобой на панель. Мы откроем публичный дом здесь! Я уж так и быть за маман сойду, а вот тебе придётся с клиентами поработать!

— Э-э-э... Дмитрий Сергеевич, — беззаботно махнул рукой Солончак, — боюсь, что на мои прелести уже никто и не покусится. Да не переживайте вы так! Не так уж и плохо получается! Застоялись ребята немного, только и всего! Вот увидите, всё будет хорошо!

Он уже не первый год работал с Сидоровичем и по тону последнего высказывания понял, что буря миновала. Главреж хоть и волновался, но был явно доволен работой актёров.

Немного поиграв бровями, Сидорович приосанился, похлопал режиссёра по плечу и, не

говоря больше ни слова, отправился руководить установкой декораций.

— Все по местам! — наконец громыхнул за кулисами голос Сидоровича. — Поехали!

Первый акт прошёл почти без помарок. В интерпретации Солончака, четыре молодых миллиардера заключили пари, по условиям которого три года будут избегать женского общества, чтобы закончить работу над новым проектом. Но фирмой, выигравшей тендер на разработку ключевого узла чудо-агрегата, руководили четыре молодых, привлекательных и остроумных девушки... Впрочем, пересказывать сюжет нет смысла — спектакль до сих пор собирает полный зал. А тогда... Тогда Станислав Король понял, что дождался своего звёздного часа, и воспользовался предоставленной возможностью. Он жил своей ролью. Разгадывая загадки хитроумных красавиц, Слава иногда отступал от текста, но делал это настолько непринуждённо и естественно, что суфлёры тихо аплодировали ему из своей будки. Всё шло как по маслу. Он так разошёлся, что даже не заметил, как на сцене начали происходить странные вещи. Сами по себе включались осветительные приборы, и эти вспышки изредка сопровождались громовыми раскатами. Впрочем, странности эти всегда

приходились кстати.

— Молодец, Салажонок, — довольно ворчал за кулисами Сидорович. Он не знал, что бедный осветитель разве что по потолку не бегает, в надежде отыскать замыкание, из-за которого сервоприводы как с ума посходили.

Фурор был уже близок, но когда на сцене вместо секретарши с тубусом появился совершенно незнакомый, странно одетый человек с мечом в руках, Слава растерялся. Незнакомец вежливо поклонился и протянул меч Королю. Тот машинально принял древнее на вид оружие, и в то же мгновение блеснула молния, раздался самый настоящий гром и непонятно откуда заморосил мелкий дождик. Вспышка на какое-то время ослепила и актёров и зрителей. Станислав Иванович Король исчез...

Глава 2, в которой Станислав Иванович сталкивается с ошибками сценариста и коварством колдуна

Слава опустил меч и осмотрелся. Он стоял посреди какой-то мрачной избушки, стены которой были увешаны вязанками сухих трав. В углу стояла печь, из которой явственно тянуло запахом, обычно сопровождающим процесс самогонварения.

— Это ещё что за декорации? — удивился

Слава. — Разве это было в сценарии?

Он опустил меч, обернулся и вздрогнул от неожиданности. Перед ним стоял неопрятно одетый старичок со спутанной бородой.

— Кишмалаш! Травартанна! — крикнул старик.

— Да что вы, в самом деле! — возмутился актёр. — Я же ничего не трогал!

Старик подозрительно взглянул на актёра, почесал затылок и подошёл к дубовой бочке, стоявшей в противоположном от печи углу. Взяв висевший на стене ковшик, он помешал содержимое бочки и, зачерпнув, протянул его Славе.

— Ути! — не терпящим возражения тоном приказал старик.

— Отличное пиво! — изумился актёр, приняхавшись, — Я попробую, с вашего позволения.

Он приложился к ковшу.

— М-м-м... Спасибо, не ожидал! — пробормотал Слава, переместив около полулитра жидкости себе в желудок. — Можно добавочки?

— Ути, нон абути, — отрезал старик и в голове у актёра словно взорвался разноцветный фейерверк. Последнее, что он запомнил, было какое-то странноватое свечение вокруг старика. «Забавный дедушка, — успел подумать Слава. — И

звёздочки... Такие забавные...»

Проснулся Слава с ужасной головной болью.

— Говорила мне мама, что коньяк нельзя мешать с пивом. А может это китайский дедушка мне ерша подсунул? — пробормотал он и попытался подняться. Однако встать он не смог, по той простой причине, что руки его были надёжно привязаны к скамье.

— Я что, буянил вчера? — спросил он, обращаясь, скорее, к самому себе, и пытаюсь разбудить хоть какие-то воспоминания.

— Говорил же я тебе, не злоупотребляй! — отозвался из-за печи старик.

— О! А я-то думал, что он китаец! Что же вы сразу по-нашему не говорили? Поди, пойми все эти «кыш-пыш», «шиш-беш»...

Старик подошёл к актёру и взглянул ему в глаза.

— Слишком много болтаешь! Снадобья, наверное, вчера слишком много выпил? Оно, конечно, мозги вправляет, но вот побочный эффект... Впрочем, не всё ли равно, — он махнул рукой и снова полез за печь.

— Я бы попросил вас объясниться! А то я не посмотрю на разницу в возрасте...

— Лучше помолчи! Пока я не скормил тебя муравьям!

— Молчу-молчу, — пробурчал с детства ненавидевший муравьёв Слава, — только объясните мне, где я и что здесь происходит?

— Ну, это просто, — ухмыльнулся старик. Он внимательно осмотрел вытащенный из-за печи капкан и, помолчав, продолжил:

— Ты здесь, у меня. И я теперь твой хозяин!

— Что? — возмутился актёр, — а ну, развяжи меня! Я тебе покажу, кто из нас хозяин!

— Ш-ш-ш-ш! — зашипел старик, — ты давно не спал...Ффарранокхх... — он легонько дунул Славе в лицо и тот почувствовал, что глаза у него начинают слипаться. Впрочем, то ли старик оказался плохим гипнотизёром, то ли актёр оказался устойчивым к внушению, но сон так и не одолел его. Слава лежал с закрытыми глазами и старательно вслушивался в бормотание колдуна. Старик то бормотал себе под нос, то переходил на крик.

— Совершенно непонятно... Такого нет ни в одной книге! Вчера на него не подействовало сильнейшее заклинание, способное свернуть шею самому искущённому магу, а сегодня его свалила с ног детская усыплялка! А меч... — Слава услышал шуршание ткани, — вроде бы неказистый, а что-то в нём есть... Ой! Точно есть! Неужели тот самый?... Нет-нет, не сейчас! Завтра я продам этого бродягу и займусь мечом. Да, именно так! На

свежую голову! А сейчас — пойду, проверю силки...

Раздался скрип закрывающейся двери, и Слава осторожно приоткрыл левый глаз. В доме никого не было.

— Вот это пьеса! Чёрт бы побрал этого Солончака, вместе с его сценарием! Куда же меня занесло? И главное — как отсюда выбраться?

Актёр припомнил все прочтённые книги о попаданцах в другие миры, сопоставил со странностями, происходившими во время спектакля, и с ужасом понял, что его дом сейчас далеко, и что завтра его действительно продадут в рабство, и... И что самое время смываться!

Его сердце бешено колотилось. Он по своей актёрской привычке сделал глубокий выдох и, немного успокоившись, осмотрелся.

Меч, наполовину завернутый в парчу, лежал на лавке, к которой был привязан актёр. Тем не менее, ему потребовалось основательно потрудиться для того, чтобы перерезать путы.

— Ф-фу, — прошептал он, — теперь бежать отсюда! Эх-х, пивка бы! — он с сожалением взглянул на бочку, но вспомнив, какой эффект произвело на него «пиво», взял себя в руки и завернул загадочный меч в кусок ткани. Коньяк, остававшийся от вчерашнего банкета, исчез, поэтому, в качестве компенсации, он забрал

сиротливо висевший в углу копчёный окорок, и выдернул из стопки, лежавших на столе фолиантов, небольшую книгу в кожаном переплёте. Затем, тихонько вышел из дома, осмотрелся, и пустился во всю прыть туда, где среди лесных зарослей виднелся просвет...

Глава 3, не совсем понятная, но совершенно необходимая

В то же время, не очень далеко от негостеприимной избушки, в которую невесть как занесло Станислава Ивановича, шестьсот пограничников в предвкушении скорого отбоя занимались рутинно-уставными делами: чистили лошадей, приводили в порядок снаряжение, наводили блеск на доспехах.

Хельг уже в четвёртый раз обходил лагерь. Всё было спокойно, воины были заняты повседневными делами, но душа у командира гарнизона была не на месте. За неделю бездействия дисциплина порядком ослабела. Но хуже всего было томительное ожидание «секретного распоряжения». Семь дней назад Хельг получил подписанный императором приказ, согласно которому два арганата пограничного гарнизона должны были срочно выдвинуться на юго-восток. Там, на границе провинции Юлань, княжества Тепе

и владений степного айнаха Унджи, Хельг должен был дожждаться императорского курьера с дальнейшими распоряжениями.

Два дня понадобилось «счастливицам» для того, чтобы добраться до места. Единственный на несколько дней пути колодец с трудом утолил жажду лошадей и их седоков, но голод утолить было нечем: обоз с провиантом и фуражом подошёл ещё через день. От конвоя Хельг узнал, что старый император сыграл в резной ящик. Но отмены приказа не последовало, равно как и новых инструкций, поэтому пришлось снарядить гонца к командиру южным округом, с докладом о готовности отряда.

Хельг чувствовал, как крепчает крохотный росток тревоги, и всё настойчивее рвётся наружу из глубин сознания.

— Так не пойдёт, — пробурчал он себе под нос, с трудом подавив в себе желание наплевать на вбитые, вдавленные в его сознание и записанные там кровавыми буквами законы военной элиты империи, и вернуть отряд в гарнизон. Хельг до хруста сжал кулаки — за пятнадцать лет службы он так и не научился нарушать приказы. Осмотрев посты, он поднялся на один из ближних холмов. Огромное красное солнце медленно тонуло в раскалённом мареве, висевшем над степью. Хельг невольно поёжился. Десять лет назад он точно так

же стоял на перевале с непроизносимым названием Датвисджварисхреми и любовался исчезающим в багровой дымке солнцем. А ночью пришли гнархи. Пока сонные воины сумели организовать оборону, хищные твари вырезали полгратты пехоты и почти шесть ат кавалерии. Их атаки были похожи на морской прибой: волны разбивались о щиты Миелланских воинов, но отхлынув, возвращались снова и били ещё сильнее, так, что казалось очередная волна смоеет защитников перевала и чудовищная лавина обрушится на маленький городок Хромс. И, наверное, так бы всё и было, если бы не подоспел со своим небольшим войском король Рувала. Он прикрыл отход остатков имперской дружины, но сам оказался зажат в небольшом ущелье. А на рассвете к перевалу подлетели две крепости и шквальным огнём размазали нападавших по граниту окрестных скал. И Хельг, единственный оставшийся в живых командир устало наблюдал, как «Крылатые харраны» добивают оставшихся в живых гнархов.

Он снова поёжился. Воспоминание было не из приятных.

— Мир вам, — раздался у него за спиной тихий голос. Хельг отскочил в сторону и выхватил меч. Перед ним стоял человек весьма странного вида: некогда роскошные одежды превратились в совершеннейшие лохмотья, зато посоху его мог бы

позавидовать и придворный маг. Благородные черты его лица портила дурацкая улыбка, а в глазах поблёскивали сумасшедшие золотые искорки.

— Мир вам, — повторил странный человек, — хотя и глупо желать мира жуку, попавшему в муравейник.

— Кто ты? — спросил Хельг, опуская меч.

— Я странник. Путешествую... То туда, то сюда... А вам лучше уйти из муравейника. Или к утру вас накроют крылья смерти...

— Они всех накроют, — покачал головой Хельг, — рано, или поздно.

Он медленно подошёл к страннику и взялся за посох. — Пойдём со мной, — сказал Хельг и потянул посох к себе, — расскажешь, что ты узнал в своих странствиях.

— Не могу, к сожалению, — вздохнул бродяга и усмехнулся, — а ты запомни: «Сойдёт дождём на землю благодать, и меч сверкнёт надеждой на востоке».

Он резко крутанул посох и ошарашенный Хельг отлетел в сторону. Обернувшись, он заметил, как странник подпрыгнул и растворился в воздухе.

— Бред, — прошептал он и, отряхнувшись, спустился с холма. В лагере он приказал удвоить караул и пошёл в свой шатёр. Ему не спалось. Почти половину ночи он провёл над составлением докладной записки командующему округу и

задремал только перед самым рассветом.

Крылья смерти накрыли лагерь, на мгновение опередив первые лучи солнца. Сперва мимо полусонных часовых стрелой промчался раненый гонец, а следом за ним с окрестных холмов хлынули гнархи. Запоздало запели тревогу рожки часовых...

Хельг осмотрел остатки своей дружины и тяжело вздохнул. От полутысячного отряда осталось всего двадцать человек, неполный ат. Им повезло — враг, десятикратно превосходивший их, не успел замкнуть кольцо. Правда цена, заплаченная за это, оказалась слишком высокой. На поле боя полегло столько друзей Хельга, что он предпочёл бы остаться с ними, но долг командира... Этих двадцать человек он по одному вытаскивал из боя, каждый раз прорубая себе дорогу. Хельг снова тяжело вздохнул, с тоской посмотрев на запад. Он с горечью подумал, что никто из погибших не будет погребён, как подобает воинам. Мало того никто вообще не будет погребён. Гнархи никогда не оставляли на поле боя трупы. Ненасытные твари перемалывали своими жуткими челюстями даже кости. Но хуже всего было то, что среди нападавших были люди. И люди эти были из военной элиты империи. «Крылатые харраны», некогда сражавшиеся с гнархами теперь воевали с солдатами империи. Хельг покачал

головой и поправил шлем. А ведь прав оказался бродяга! Странник... Что же он говорил о востоке? Эх, жаль не удалось задержать его и допросить, как положено! Да где уж его удержишь, если дерётся лучше любого воина, да ещё и с магией знаком! Ничего не поделаешь, придётся дальше полагаться только на себя.

— Братья, — сказал он, — путь домой нам пока отрезан. Двинемся на восток, к уцулам. Там мы найдём кров, и помощь. Он развернул коня, и всадники направили своих скакунов вслед за ним.

Глава 4, от коварства к казарменному юмору

Дружина Хельга второй день двигалась по степи. Солнце палило нещадно, воздух был пропитан терпким запахом полыни, а над землёй висело колышущееся марево, в котором цепкий взгляд пограничника заметил какое-то движение.

Не прошло и четверти часа, как дружинники настигли ковыляющего по степи человека, вооружённого завёрнутым в парчу мечом. Человек этот был небрит и измучен жарой, но его странный костюм, нелепые ботинки, с длинными узкими носами и копчёный окорок, с которым он не хотел расставаться, несмотря на усталость, не могли не вызвать улыбки.

— Кто ты? — спросил Хельг, стараясь не

рассмеяться.

— Воды, — попросил путник и, утолив жажду из поданной ему фляги, представился: — Король Станислав Иванович.

— Король чего?

— Э-э-э, зовут меня так! — хмуро ответил Слава, которому до оскомины надоела эта плоская шутка.

— И куда же ваше величество направляется? — уже не скрывая улыбки, спросил Хельг.

— Всё равно куда, лишь бы выбраться отсюда.

— Хорошо. Дайте ему коня.

Актёр с трудом взгромоздился на коня, и дружина продолжила своё движение на восток.

К вечеру того же дня отряд достиг подножья гор. Воины спешились и Слава, покряхтывая, последовал их примеру.

— Какая боль, — то и дело стонал он, держась за поясницу и с трудом переставляя ноги.

— Это тебе не в карете ездить, — мимоходом посмеивались дружинники, первым делом занявшиеся обустройством лагеря.

— Да пошли вы... — беззлобно огрызнулся актёр, — посмотрел бы я на вас после лыжных гонок!

К наступлению темноты лагерь был разбит, а

на разведённом между камней костре готовился ужин. Слава отдал свой трофейный окорок в общий котёл и теперь с наслаждением вдыхал аромат варившейся похлёбки.

— Эх, к этому бы супчику, да стопарик водочки! Или вина, на худой конец, ибо сказано: «*Vinum iocundificat cor hominis*»¹ — оживлённо потёр он руки, когда, наконец, похлёбка была готова, и дежурный по лагерю разливал её в лёгкие походные миски.

— Ну, это можно, — ответил Хельг и кивнул дежурному. Тот откупорил небольшой бурдюк, валявшийся неподалёку от костра, налил в маленькую деревянную чашку немного золотистой жидкости и передал её актёру.

— Вино, — благоговейно закатив глаза, прошептал Слава и сделал глоток. — Кхм, э-э-э... А вы уверены, что это вино? — он с подозрением посмотрел в чашку.

— Не сомневайтесь, ваше величество! Самое настоящее вино! Очень редкое. Из подвалов императорского хранилища! Два месяца назад варлунги хаальского посла на границе прищучили, так вот из его обоза и нам кое-что досталось.

— Мне кажется, вас обманули. Это не вино.

¹ Вино веселит сердце человека (лат)

Это, — актёр замялся, подыскивая сравнение, — это ну-у... когда бочку из-под вина помоят... виноградная вода!

Воины покатались со смеху.

— Вот это сказал!

— Ну, молодец!

— Императорское особое — для него вода!

— Какой он король? Шут, да и только!.. Шут виноградной воды!

Слава, растерявшись от такого количества шуток и колкостей, залпом выпил содержимое чашки. И сразу почувствовал! Едва уловимый, но великолепный букет, оставивший во рту послевкусие, не поддающееся описанию. Ему вдруг захотелось сочинить оду, посвящённую этому вину, но... Он оглянулся и, увидев хохочущих дружинников, рассердился на них. Они его отвлекали. «Да, — подумал он, — так оду не сочинить! Но... Они такие дружелюбные... Хо...рошие...попутчики...»

Он зевнул и погрузился в сладкую дрёму...

Глава 5, в которой всё очень запутано

Знаменитое китайское проклятие гласит: «Чтоб тебе жить во время перемен!». Неизвестно, кто проклял Станислава Ивановича, но мир, в который он попал, переживал именно это время. А

началось всё это безобразие за три недели до его появления.

Тьма, поглотившая императорский дворец, была почти осязаемой. Она заполнила каждую комнату, каждый уголок, лишив воли всех его обитателей, и погрузив их в тяжёлый липкий, как сама эта тьма сон. Дворцовая стража, повара, многочисленные слуги спали в самых невероятных позах. Видимо сон свалил их внезапно, в самый разгар несения службы. Лишь двое, не обращая внимания на тьму и уснувших слуг, тихо беседовали в каминном зале дворца. Разговор шёл уже давно, и собеседники иногда замолкали, давая тишине полноту власти в спящем замке.

— Я хожу по лезвию меча, — произнёс после небольшой паузы один из собеседников. Его голос говорил о молодости лет хозяина.

— Такова участь вершителей судеб, — спокойно ответил обладатель более грубого мужского голоса.

— Вершителем ещё нужно стать, — возразил первый.

— Не вижу препятствий, — устало отозвался второй.

— Мы с вами ходим по кругу.

— Не мы, а вы.

— Но...

— Никаких «но»! Я предлагаю вам

конкретные действия, а вы стесняетесь назвать вещи своими именами!

— Какие имена? Какие вещи? Речь идёт о жизни и смерти близких мне людей!

— Мне показалось, что вопрос о вашей жизни и смерти заботит вас намного больше.

— Да, но...

— Мне надоела ваша нерешительность, я ухожу!

— Подождите! Я... Я согласен!

— Вот! Это слова настоящего мужчины! Думаю, нам стоит обсудить детали...

Голоса сделались тише, хотя подслушать их обладателей никто не смог бы, а через четверть часа замок вернулся к обычной жизни.

Утро нового дня было добрым не для всех.

— Ваше высочество! Ваше высочество! Слава создателю, вы живы! — начальник дворцовой стражи чуть не расплакался от умиления.

— Если это можно назвать жизнью, — молодой человек, которого убелённый сединами воин называл «высочеством», с трудом поднялся с пола, на котором он спал, обняв большую бутылку вина. — Ну, что там у тебя?

— Ваше высочество! Принц!.. Это невероятно, но... Ваша семья...

— Ну, что там ещё?

— Они погибли.

— Что за блажь? — принц раздражённо встряхнул бутылку и хлебнул из горла.

— Они... Нет, вам нужно это увидеть!

Принц снова приложился к бутылке и, слегка покачиваясь, поплёлся за начальником дворцовой стражи. У входа в покои императора, так же впрочем, как и у входа в опочивальни его сестры и брата стояли стражники, не пропускавшие в комнаты любопытную прислугу. Начальник стражи осторожно взял принца за локоть и вместе с ним прошёл в опочивальню императора. Зрелище было жутким. На шёлковых простынях лежал скелет, обтянутый мраморно-белой кожей. Принц побледнел и упал на колени. Его несколько раз стошнило, но когда начальник стражи попытался ему помочь, принц окинул того невидящим взглядом и крикнул:

— Стража!

В комнате почти мгновенно появились два вооружённых воина.

— Арестуйте этого человека, — он кивнул головой в сторону начальника стражи, и, заметив недоумённые взгляды солдат, добавил:

— По обвинению в измене императору.

Начальник стражи побледнел и с удивлением посмотрел на своих теперь уже бывших подчинённых. Солдаты почти одновременно

пожали плечами и взяли алебарды на изготовку.

— Как быстро, — прошептал новоиспечённый император, провожая взглядом бывшего начальника стражи. Он медленно поднялся с колен и побрёл в свои покои.

— В-ваше величество, — придворный маг заикался от страха, но упорно семенил вслед за императором.

— Ну что ещё, — устало спросил тот.

— К...кажется з-заговор! Д-д...ворец бэ...большого ва...ва...ва...

— Ну, так делайте что-нибудь! — взъярился вчерашний принц. — От меня-то что нужно? В тайную канцелярию ступайте, пускай там разбираются!

Глава 6, в которой появляются новые лица

Дворец Большого Вальса был, как обычно, великолепен. Огни сотен свечей отражались в зеркалах потолка, стен и чёрном полированном мраморе пола так, что танцующим казалось, будто они парят среди звёзд. Оркестр, расположившийся на балконе, неустанно играл вальсы, заставляя пары кружиться и кружиться... Менялись кавалеры, дамы, врывались в круг новые пары и тихо уходили уставшие, но вальс продолжался.

А совсем рядом, за стеной, в ярко освещённом

зале звучала другая музыка, и не было этого бесконечного кружения пар, зато были обворожительные дамы и обходительные кавалеры. И были светские сплетни и признания в любви, споры о политике и делах торговых. Разговоры шли в небольших кружках, иногда перетекая от одного к другому, отчего казались бесконечными и сумбурными.

— У западных границ снова беспокойно. Ходят слухи, что варлунги снова объединяются...

— Что с того? Даже объединившись, они не смогут перейти границу империи. Пограничье сейчас набрало силу.

— Да, но они заключили союз с хаалами и азрахами. Их номада — страшная сила!..

— ...А вы слышали, что герцог Уоллский собирается взять в жёны даму из полусвета, некую Ролину?

— Да что вы? В Нижней Галее, говорят, не осталось ни одного мужчины, гм... Не оценившего её прелести! Хо-хо-хо!

— Герцогу намекнули на это обстоятельство, но он сказал, что Нижнюю Галею без лупы на карте не отыщешь!..

— Как здоровье вашего батюшки?

— Увы!.. Придворный маг сказал, что он не увидит молодую луну.

— Сочувствую... Вы же знаете, что он был

моим лучшим другом. Надеюсь, с вами мы тоже поладим? На днях придёт мой караван с юга...

— Вы обворожительны!

— Спасибо!

— Не слушайте этого лжеца! Вы не обворожительны!

— Вот как?

— Да-да! Вы не обворожительны, вы великолепны! Богиня!..

— А вы слышали, что бризантность астунийского пороха на порядок выше той, что используется артиллерией летающих крепостей?

— Впервые слышу. Но даже если и так, что это меняет? Летающую крепость невозможно сбить, даже увеличив бризантность пороха в десять раз. К тому же, вы представляете, из какого металла должна быть сделана пушка, чтобы выдержать выстрел?...

Разговоры мерно текли под музыку и лёгкое вино, иногда затихая, иногда сплетаясь в стальные пружины споров, но заканчивались они, как правило, примирением спорящих. Высший свет Империи и Пограничья жил своей жизнью. Любой, мало-мальски здравомыслящий человек всего за час мог, переходя от одного кружка к другому узнать о положении дел в мире.

И всё же, самые серьёзные темы обсуждались не здесь, а в тиши маленьких ниш-кабинетов,

отгороженных от зала тяжёлыми портьерами. В одном из таких кабинетов в полном одиночестве сидел совершенно лысый дородный мужчина преклонного возраста. Белая шёлковая рубаша широкого покроя, просторные шёлковые штаны, перетянутые зелёным кушаком, и лёгкие кожаные туфли выдавали в нём уроженца южного Пограничья. В задумчивости, он медленно перебирал янтарные чётки, прерываясь лишь для того, чтобы сделать глоток вина из стоявшего на маленьком ажурном столике хрустального бокала.

Иногда он хмурился, собирая гармошкой кожу на лысине, и его оттопыренные уши начинали смешно шевелиться, иногда чуть заметно улыбался и на пухлых щеках появлялись ямочки.

Его размышления были прерваны молодым человеком, шумно ввалившимся в кабинет. Он был одет в классический костюм, состоявший из элегантного расшитого золотом камзола, обтягивающих мускулистые ноги панталон и мягких, оригинально скроенных сапог.

— Уф, — сказал он, усаживаясь в кресло, — какая ночь! Ох, дорогой Бонжер, это просто чудо!

— Ничего чудесного, — отозвался Бонжер, не переставая перебирать чётки, — раньше ночь Большого Вальса была похожа на сказку! Лучшие маги империи и Пограничья всю ночь творили своё волшебство. Небо было украшено алмазами, а на

стенах росли диковинные цветы. А какие были фейерверки! Кстати, они были видны даже из кабинетов...

— Да и пёс с ними, с фейерверками! —
тряхнул головой молодой человек и мечтательно
закатил глаза. — Какая мне встретилась девушка!..

— Вы о ком? — оживился Бонжер.

— Неужели вы знаете всех девушек империи
и приграничья?

— Разумеется, нет, — улыбнулся Бонжер, —
потому и спрашиваю. Впрочем, любезный граф,
вскружить вам голову так легко... Кстати, когда
мой брат, умирая, просил присмотреть за вами, он
имел в виду именно это ваше качество.

— Какое ещё качество?

— Влюбчивость. Так что же за девушка
вскружила вам голову?

— О! Девушка!.. Дочь графа Рамского...
Всего за три вальса она дала полную
характеристику каждому правителю Юга с
точными данными о состоянии их армий!

— Ещё бы, — фыркнул Бонжер, — она ведь
скоро станет женой наследника престола! Впрочем,
принц Рогер может и не стать императором.

— Как это?

— Дорогой племянник, — Бонжер
приложился к бокалу и сдвинул брови к

переносице, — если бы ты не только танцевал до упаду, но и слушал, о чём толкуют окружающие, то знал бы, что принц Рогер обделён магической силой. А по семейной традиции трон переходит сыну, или дочери с наиболее развитыми магическими способностями. Тем не менее, твои шансы равны нулю, — Бонжер перешёл на «ты», давая понять, что разговор будет серьёзным.

— Почему?

— Я думал ты умнее. Я хорошо знаю её отца — это холодный расчётливый чурбан. Доченька ничуть не лучше. К тому же, для любой девушки лучше стать родственницей императора, чем графиней Великолужицкой. Тем более для такой амбициозной особы, как твоя пассия, — лукаво улыбнулся Бонжер.

— Глупости! — вспыхнул Саххен, пропустив мимо ушей последнюю фразу дядюшки. — Да графиня Великой Лужицы имеет больше власти, чем император в собственных провинциях. И не будь я Саххен гер Вофен, если не отобью у Рогера этот прекрасный бриллиант!

— Войну объявишь? — ухмыльнулся Бонжер.

— А хоть бы и так!

— Хм... Веков пятнадцать не находилось безумца, рискнувшего воевать с летающими крепостями... По крайней мере, всерьёз...

— Подумаешь, крепости, — фыркнул

молодой граф, — даже мой маг нашёл способ обезвредить их...

— Чушь! Что может сделать какой-то Великолужицкий маг? Фейерверки запускать? Желтуху лечить? Фейерверками летающую крепость не остановить! Всё! На эту тему мы с тобой ещё поговорим. Не здесь, конечно. Здесь даже у стен есть уши.

— Вот как? — удивился Саххен гер Вофен. — А как же Извечный Кодекс магов? Ведь на этом дворце лежит заклятие Дунгельфа и нас никто не может подслушать, или я не прав?

— Прав, конечно, — усмехнулся Бонжер и повертел в руках бокал, заставляя содержимое растечься по стенкам, — только маги почти две тысячи лет состоят на личной службе у императора. Срок немалый, даже для магов. Поэтому, я не очень сильно удивлюсь, если вдруг окажется, что в заклитии Дунгельфа, если оно действительно наложено, существует лёгкий изъян, позволяющий подслушать любой разговор.

Бонжер встал, поставил бокал на столик и вышел из кабинета. Саххен немного помедлил. Он взял в руки бокал, задумчиво посмотрел сквозь рубиновую жидкость на пламя свечи, и, поставив его на столик, вышел вслед за дядей.

Когда Бонжер гер Вофен с племянником покидали дворец, тонкий серпик умирающей луны

был уже почти неразличим на фоне бледно-голубого утреннего неба. У края дворцовой аллеи их уже ждал экипаж. Карета, запряжённая четырьмя айданакскими жеребцами, должна была доставить двух властителей Пограничья в Каулэр, небольшой портовый городок, откуда до границы их владений кратчайший путь шёл по морю. Дорога заняла целый день, и всё это время Бонжер гер Вофен хранил молчание. Несколько раз племянник пытался завести с ним разговор, но был остановлен недвусмысленными знаками старого интригана. Король Рувала, единственного королевства Пограничья, хитрый и ловкий политик, целый день сгорал от любопытства, но так и не рискнул приступить к расспросам в карете, принадлежащей Империи.

Глава 7, в которой на голову влюблённого сваливаются неприятности

Багровое солнце уже наполовину скрылось за горизонтом, когда родственники, нога в ногу, вошли в гостиницу.

Последняя не отличалась особой роскошью — обычная провинциальная гостиница, с дубовым столом в фойе, с суетливой прислугой и потрёпанного вида постояльцами, тем не менее, была для них сейчас куда желаннее сказочных

императорских дворцов. Портье, выскочивший откуда-то из-за угла, слащаво улыбнулся и, рассыпаясь в комплиментах, провёл гостей в их номера. Из своей каморки важно выплыл пожилой метрдотель. Он поклонился гостям, пробормотал какое-то приветствие и, заложив руки за спину, грозно сдвинул брови. Прислуга засуетилась ещё сильнее: два шустрых мальчугана ухватились за багаж, невысокий толстяк-консьерж, кряхтя и отдуваясь, засеменял с ведрами горячей воды для ванны, строгого вида горничные гордо проследовали в номера с корзинками для белья.

Саххен гер Вофен тотчас же забрался в приготовленную ванну и с блаженной улыбкой закрыл глаза. Впечатление от проведённой ночи не смогли испортить ни утомительная тряска в карете, ни намёки дядюшки. Пылкое воображение уже перенесло его в объятия прекрасной герцогини Рамской. Но мечтания его были явно несвоевременны. Бонжер гер Вофен, как настоящий король, вошёл без стука.

— Саххен! — рывкнул он. — Сколько можно плескаться? Хочешь, чтобы я умер от голода?

Бонжер потратил меньше четверти часа для того, чтобы вымыться, побриться и надеть походный костюм. Теперь он с удивлением смотрел на всё ещё нежившегося в ванне племянника.

Граф Саххен нехотя вылез из ещё горячей

воды и торопливо обтёрся жёстким льняным полотенцем, оставленным на вешалке предусмотрительной горничной.

— Живее! — поторопил его дядюшка. — И запомни, если будешь долго валяться в ванне, не доживёшь даже до моего возраста.

Бонжер гер Вофен всего месяц назад перешагнул через сорокалетний рубеж и необычайно этим гордился. По правде говоря, повод для гордости у него был. В Пограничье редкий мужчина доживал до тридцати пяти лет, а те, кому это всё-таки удавалось, считались людьми чрезвычайно везучими. Правители Пограничья не были исключением из этого правила, поскольку большинство из них наравне со своими подданными участвовало в частых и весьма кровопролитных стычках. Графиня Лоредская, к примеру, всегда находилась в гуще самых известных сражений, чем снискала заслуженное уважение как своих подданных, так и правителей Пограничья. Несмотря на преклонный возраст (а ей было уже тридцать четыре), в неё было влюблено больше половины мужского населения Пограничья. Вокруг неё толпами кружились женихи и воздыхатели. Но добиться её расположения удалось лишь одному мужчине — Бонжеру гер Вофену, единственному королю в Пограничье, отважному воину и хитрому политику. Правда, связь этих

правителей держалась в такой тайне, что даже Саххен гер Вофен не подозревал о её наличии. А в данный момент его это даже и не заинтересовало бы, поскольку пока он торопливо одевался, подгоняемый репликами дядюшки, его память услужливо рисовала Её портрет. Баронесса Рамсская, её улыбка, её густые каштановые волосы... Как приятно думать о том, что она может стать графиней Великолужицкой...

— Очнись же, наконец! — рассердился Бонжер. — Чем быстрее мы уберёмся из этого клоповника, тем больше у тебя будет шансов обнять свою подружку!

Саххен покраснел и, путаясь в рукавах, натянул рубаху.

— Ну что за спешка, — недовольно проворчал он.

— Во-первых, — нетерпеливо ответил Бонжер, — я ужасно хочу есть, а во-вторых, — он понизил голос, — до тех пор, пока мы не вышли из кареты на нас распространялся императорский «гостевой» закон. Теперь же, гостями мы не являемся и, если мои догадки верны, нас могут ждать крупные неприятности. Ну, и, в-третьих, я всё-таки хочу есть!

Они вышли из гостиницы, захватив с собой только оружие.

— К началу третьей стражи (около полуночи, прим. автора) за нами придёт шлюпка. Она доставит нас на один из самых быстроходных чайных клиперов империи. А до этого времени нам нужно ни во что не вляпаться, — Бонжер говорил так тихо, что Саххену приходилось напрягать слух. — Я знаю здесь одну вполне приличную харчевню, там мы, пожалуй, и скоротаем время. А заодно проверим, прав ли я.

Они шли по узкой улице этого провинциального городка, и Саххен с грустью думал о том, что даже в его небольшом графстве нет городов с такими плохо ухоженными мостовыми. Пускай в Великой Лужице всего пять городов, зато улицы в них вымощены отличной брусчаткой. Да и дома аккуратнее, чем здесь. И никаким налётам варлунгов не испортить городских мостовых.

Между тем, Бонжер уверенно подвёл молодого графа к двери, над которой покачивалась большая пивная кружка.

— Проходи, не стесняйся, — он открыл скрипучую дверь и слегка подтолкнул племянника в спину.

Саххен вошёл в полумрак харчевни и остановился в недоумении — он даже предположить не мог, что харчевни бывают настолько уютными. В детстве Саххену доводилось

выходить в море вместе с отцом, во время поездки к дедушке, занимавшему тогда пост губернатора одной из провинций. Нострумское море они пересекли за неделю. И это путешествие оставило яркий след в памяти юного графа. Всего за семь дней они дважды попали в шторм и подверглись нападению пиратов. Но сейчас Саххен вспомнил не это. Кают-компания с её мягким светом, душевными разговорами и ощущением чего-то неуловимого, какой-то невидимой нити, надёжно связавшей души всех присутствующих, вот что ему вспомнилось. Харчевня действительно была очень похожа на корабельную кают-компанию: всего два больших дубовых стола, прикрученные к полу стулья, обшитые строганной доской стены и потолок, большой барометр в блестящем медном корпусе, надраенный до блеска судовой колокол в углу, у барной стойки... Здесь не было густых клубов табачного дыма, свойственных заведениям такого рода, да и посетителей здесь было не много. Всего семь человек, включая Саххена и его дядюшку. Двое из пяти сидевших за столом были одеты в форму офицеров императорского флота и выглядели как два осенних яблока — оба были одинаково упитанные и румяные. Трое их собеседников, хоть и были одеты как образцовые мещане, но похожи были не на горожан, а на настоящих морских волков.

— Это лучшие люди Каулэра, — шепнул Бонжер племяннику. — И нам очень повезло, что они сейчас здесь, а не где-нибудь в море.

— Что-то не похожи они на знать, — удивлённо прошептал Саххен.

— Я и не говорил, что они знатные. Я сказал, что они лучшие.

Бонжер гер Вофен уверенно подошёл к барной стойке поздоровался с полнолицым румяным детиной, одетым боцманскую куртку с боцманской же дудкой на груди. Тот улыбнулся королю Рувала, как закадычному другу и, приложив к губам боцманскую дудку, издал замысловатую трель. Тотчас, откуда-то выскочил юнга — растрёпанный мальчишка, лет тринадцати, с жареным каплуном и двумя большими кружками пива на подносе. Бонжер шепнул ему что-то на ухо и, улыбаясь, направился к увлечённым своей беседой посетителям.

— Приветствую вас, бродяги! — он хлопнул по плечу тощего, как сушеный угорь моряка, сидевшего с краю и, усевшись на скамью, подал знак Саххену. Юнга, тем временем, поставил поднос на стол и исчез так же мгновенно, как и появился. Завсегдатаи прекратили свой явно затянувшийся спор и молча уставились на Бонжера.

— Давненько мы с вами не виделись, — с улыбкой продолжил тот, и приложился к кружке. —

Знакомьтесь, это Стах, мой племянник. Стах, это Урбан, — Бонжер кивнул коренастому бородачу, сидевшему напротив Саххена, — это Юрген и Ларед, — офицеры по очереди привстали, — Тайгат, — тощий моряк болезненно скривился, — и, наконец, Крапс, — невысокий крепыш подмигнул Саххену и потеревил свои пышные усы. В харчевне воцарилась почти полная тишина. Слышно было, как на кухне орудует юнга и за барной стойкой натирает медный свисток боцман. Взгляды присутствующих застыли на пивных кружках, сучках на столе, но упрямо избегали встречи с взглядом Бонжера.

— Очень приятно, — наконец недовольно пробурчал Тайгат. — Надеюсь, он не такой невежа как ты?

— Почему это я невежа? — изобразил искреннее удивление Бонжер.

— Он ещё спрашивает! — недовольно проворчал Юрген. — Когда ты появился здесь с «хвостом» из девяти нострумских пиратов, мы избавили тебя от удовольствия покачаться на рее. Когда через месяц ты приволок за собой четырех азрахских лазутчиков, мы доходчиво объяснили им, что граница для них сейчас важнее, чем Пограничье. И что? Вместо того чтобы посидеть с нами и рассказать за кружкой эля, что всё это означает, ты исчезаешь на полгода и появляешься в

окружении каких-то головорезов, якобы нанятых тобой для какой-то прибыльной авантюры. Кто отбивал тебя от твоих людей? Мы! А ты снова исчез на полгода, причём снова без всяких объяснений. Чего от тебя ждать сегодня? Может от племянника избавить? Ну, что молчишь?

Бонжер действительно молчал. Он сидел, насупив брови, и старательно расправлял салфетку. Его уши старательно шевелились, изображая мыслительный процесс. Саххен с любопытством наблюдал за спектаклем, устроенным его коронованным дядюшкой.

— Да, — сказал, наконец, Бонжер, — я виноват. Но сегодня я пришёл, только для того, чтобы повидать своих старых друзей. И по этому поводу прикончить бочонок свежего рувальского эля, — он подмигнул боцману и тот издал соловьиную трель. Юнга не заставил себя ждать. Саххен не успел и глазом моргнуть, как на столе появился бочонок эля, а над столом прошелестел вздох облегчения. Лица моряков оживились, с хлопком открылась пробка, и янтарный напиток потёк в подставленные кружки.

— И всё-таки, — подал голос Урбан — во что ты вляпался на этот раз? Я ни за что не поверю, что ты зашёл сюда только для того, чтобы угостить нас элем.

Бонжер усмехнулся и приложился к своей

кружке.

— Не совсем так, Урбан. Я действительно собирался просто зайти и поболтать с вами за кружкой хорошего эля, но увы... Тот, кто много путешествует, неизбежно наживает не только друзей, но и врагов. Я не знаю, идёт ли кто-нибудь по моим следам, но мне бы очень не хотелось подвергать опасности своего единственного племянника. Поэтому, я поспешил привести его туда, где он будет в безопасности. В полночь мы уедем из Каулэра. А пока, — он усмехнулся, — пока можете ругать меня за мою неблагодарность. От друзей я даже упрёки приму с радостью.

— Бунгарт-везунчик, — проворчал Урбан, — сколько лет я тебя знаю, а ты всё так же полон сюрпризов. Я не удивлюсь, если вдруг узнаю, что ты внебрачный сын императора, а то и сам император. Хотя вряд ли... На императора ты пока не тянешь. Так, один из пограничных князьков...

Бонжер, он же Бунгарт-везунчик расхохотался:

— Да ты, как всегда смотришь в корень! Когда я стану императором, возьму тебя в советники!

— Когда ты станешь императором, ты о нас и не вспомнишь! — уныло парировал Урбан.

Бонжер уже было открыл рот, чтобы сказать что-нибудь соответствующее, как у него за спиной

возник юнга и начал что-то нашёптывать. Когда он снова исчез, Урбан мрачно изрёк:

— Бунгарт-везунчик снова влип. От кого тебя отбивать в этот раз?

— Боюсь, что сегодня вы не сможете мне помочь, — после небольшой паузы выдавил из себя Бонжер. — Если не ошибаюсь, на сей раз, моя голова понадобилась исполнителям из тайной канцелярии.

Саххен побледнел, услышав эту новость.

— Прости меня, — прошептал он, — ты был прав — у стен в империи тоже есть уши.

— Что уж теперь-то... — Бонжер похлопал племянника по спине, — всё равно это должно было когда-нибудь случиться...

— Когда ты вытаскивал нас из пиратского логова, — неожиданно заговорил Тайгат, — за тобой тоже шли шпики из тайной канцелярии. Я тогда поговорил с ними... Ты слишком независим, Бонжер гер Вофен, а императору не нужны такие союзники.

— Бонжер гер Вофен? — вскинул бровь Урбан, а остальные в изумлении переглянулись. — Ты уверен, Тайгат?

— Да, — кивнул Тайгат, — я хорошо побеседовал с теми псами. Именно поэтому я и молчал все эти годы. Тех я успокоил, но тайная канцелярия, видать, не успокоилась. Им наплевать,

что простые люди вроде нас гибнут и попадают в рабство к пиратам, зато чья-нибудь независимость сильно мозолит глаза. Ты спас наши шкуры там, куда имперские вояки и нос побоятся сунуть, и я теперь твой должник. Вечный должник. Думаю, мы сможем помочь тебе, — он посмотрел в глаза Урбану и тот не отвёл взгляд.

— Ты прав, Тайгат. Мы все должники Бонжера... Или Бунгарта, уж не знаю что лучше. Жаль только Кален ещё не вернулся со своими ребятами...

— Думаю, что мы обойдёмся своими силами, — медленно поднялся один из офицеров. — Мы тоже твои должники, — он посмотрел на Бонжера, — если ты помнишь. Я этого не забыл... Да и как не помочь королю Рувала — государства, в котором варят такой замечательный эль! — он весело засмеялся и поднял кружку. — Сколько их?

— Юнга говорит, что пятеро ждут у двери, и ещё трое у запасного выхода.

— Почти поровну. Хотя, стоит признать, что бойцы в тайной канцелярии отменные.

— Это не помешало мне в одиночку справиться с тремя из них, — пробурчал Тайгат.

— Честь и хвала тебе, брат мой, — заговорил, наконец, Бонжер, — спасибо вам всем, но не стоит недооценивать противника. Я предлагаю сначала

тихо убрать тех, что у запасного выхода, а потом заняться остальными.

— А если не получится тихо? — спросил Саххен.

— А вот это будет твоей заботой, — Бонжер подмигнул племяннику. — Сделай так, чтобы те пятеро ничего не услышали.

— Если позволите, я помогу ему, — Саххен поднял глаза и увидел, что над ним возвышается неизвестно когда подошедший детина в боцманской куртке.

— Спасибо, Грац. Ну, что же, свистать всех наверх! — скомандовал Бонжер.

Город спал, погрузившись в объятия безлунной ночи, и только со стороны порта доносился скрип лебёдок, да отборная ругань такелажников. Редкие прохожие не замечали прижавшихся к стене харчевни людей в чёрных плащах. Безлунная ночь и заботливо погашенный фонарь делали их невидимыми.

Внезапно дверь харчевни с треском распахнулась, и на улицу вылетел молодой человек. Он чудом не упал на мостовую и, пробежав несколько шагов, уцепился за фонарный столб.

— Ну ты, бурундук-переросток, — крикнул он заплетающимся языком, — а ну, отдавай мой эль!

— Ах ты пьянь подзаборная, — пробасил вышедший из харчевни здоровяк в боцманской

куртке, — да ты мне ещё прошлогодний долг не отдал! Какой тебе эль?

— Лучший! — гордо подбоченившись ответил молодой человек. — Мне, потомук княжеского рода, годится только лучший эль! А за пьянь ты сейчас поплатишься!

Он выхватил меч и, увлекаемый его тяжестью побежал вперёд. Здоровяк-боцман, отступив в сторону, пропустил его и вежливо поклонился.

— Ах, простите, ваша светлость, не хотел вас обидеть, но если вы не соизволите заплатить за выпитый эль, мне придётся наказать вас по-простому.

— Что? — закричал горе-воин, упёршийся мечом в стену и только так сумевший сохранить равновесие. — Да я тебя в порошок сотру! — он бросил меч, и, сжав кулаки, побежал навстречу обидчику. Боцману, как видно, надоело увещевать строптивного посетителя, и он решил покончить с ним одним ударом. К счастью для молодого человека, его занесло, и кулак боцмана просвистел у него над ухом. Но сила инерции всё-таки привела к столкновению двух тел, и они покатались по мостовой, пытаясь разделаться друг с другом.

В это же время, в этой же харчевне распахнулась задняя дверь, и во двор выскочил юнга с ведром. Подслеповато щурясь после яркого света, он выплеснул содержимое ведра в темноту.

Плеск только что вскипячённой воды совпал со сдавленным криком из темноты. Юнга ойкнул и, запустив ведром в ту же сторону, скрылся за дверью. Три чёрных тени, отделившись от стены, рванулись за ним. Они ворвались в дом, и остановились, ослеплённые яркой вспышкой света. Когда же люди в чёрных плащах обрели возможность видеть, им пришлось бросить свои мечи на пол. Каждый из них сначала увидел остриё клинка у своего лица, а чуть отступив назад, ощутил холодную сталь у левой лопатки.

— Что это за шарики? — спросил Урбан, связывая третьего исполнителя. — Где ты их достал?

— Я много путешествую, — уклончиво ответил Бонжер, — и всегда вожу их с собой. Согласись, что вспышка, которую они дают, в темноте лучше любого оружия. Хорошо связал? Тогда пойдём, займёмся остальными.

Бонжер приложил палец к губам и тихо вышел из подсобки. Пятеро его товарищей тихо последовали за ним. Саххен, как тряпочная кукла висевший в вытянутой руке боцмана, поливал последнего самой отборной бранью.

— Да ты что?! — закричал он, заметив за окном осторожный жест Бонжера. — Да я тебя с грязью смешаю, не будь я Саххен гер Вофен!

Тотчас от стены отделилось пять тёмных

силуэтов, и мгновение спустя в грудь Саххена нацелилось пять клинков. Сталь тускло отсвечивала в свете, падавшем из окон и двери харчевни. Саххен медленно поднял руки, и яркая вспышка осветила улицу.

— Послушай, Бунгарт... Тьфу, Бонжер, пёс бы тебя подрал, — Урбан витиевато выругался и немного помолчав, спросил:

— Что ты с ними будешь делать?

— С этими-то? — Бонжер ткнул носком сапога одного из связанных исполнителей, заботливо уложенных на полу харчевни. — Пока не знаю.

— Кончать их надо, пока не сбежали, — посоветовал Тайгат.

— Нет, пожалуй, возьму-ка я их с собой.

— Да в уме ли ты? — возмутился Тайгат. — У них ведь даже в заду зубы есть! Они верёвки твои в два счёта перегрызут, и поминай, как звали...

— Ничего, — похлопал его по плечу Бонжер, — я пару словечек знаю... Не убегут!

Он склонился над пленниками и что-то прошептал. Саххену показалось, что верёвки слабо засветились, но сияние исчезло так же внезапно, как и появилось.

— Надёжно! — Бонжер посмотрел на друзей и улыбнулся. — Можете попробовать.

Тайгат криво усмехнулся и присел возле одного из пленников. Первым делом он осмотрел узел, а затем попытался просунуть палец под верёвку.

— Ого! — удивлённо сказал он после трёх безуспешных попыток. — Действительно надёжно! Хороший фокус, может научишь?

— Научу, — улыбнулся Бонжер, — только не сейчас. Нам бы отвезти их в порт...

— Это несложно, — подал голос боцман, — в соседнем дворе стоит моя телега. Лошади, правда, нет, но нас много...

— Вот ещё, — фыркнул Юрген, — офицер имперского флота в роли лошади — это уж слишком!

— А ты не переживай, — ткнул его в бок Крапс, — тебе недолго осталось ходить в офицерах. Да и просто ходить, наверняка, осталось недолго. Когда тайная канцелярия узнает о твоём сегодняшнем оверштаге, сразу же постарается устроить тебе оверкиль...

— Ну, хватит вам, — остановил его Бонжер, давайте привезём телегу!

Глава 8, скучная, потому что в ней много рассказывается о политике, и совсем немного о любви

Тем временем, в императорском дворце кипела работа, о которой и не подозревали жители столицы. Тела императора и двух его детей тщательно зашили в плотные саваны и перенесли в фамильный склеп, а те, кто хоть краем глаза увидел, что стало с бывшим венценосцем, тихо исчезли в подвалах дворцовой тюрьмы. Тайная канцелярия как всегда оказалась на высоте — в городе все говорили о заговоре против императора, но никто не знал, что управление государством уже легло на плечи принца Рогера. Тайна смерти старого императора не вышла за стены дворца.

Быть королём легко только в сказках. На деле же труд короля, а тем паче императора, можно сравнить разве что с мучениями клерка, которому приходится в свободное время заменять рудокопа. Рогер в первый же день пришёл в полное уныние от того количества неотложных дел и важных бумаг, которые требовали незамедлительного рассмотрения. Срочные донесения разведчиков о новом союзе кочевников, прошения преступников о помиловании, жалобы графов и баронов Приграничья на соседей переполняли стол. К вечеру он уже мучился от головной боли и с тоской вспоминал свою счастливую юность. Глядя в окно, он думал о том, что вот уже почти две тысячи лет императоры не только вершат судьбы своих

подданных, но и держат в узде сгрудившуюся вокруг империи мелочь, гордо называющую себя Приграничем, а проблем меньше не становится...

«Вечно с ними проблемы... — вертелось в мозгу Рогера, — ах, как хочется выпить!..»

С севера империя была защищена бескрайними ледяными полями, с востока её границы надёжно закрывали горы и непроходимые болота, а юг и запад охраняли небольшие независимые государства. Впрочем, свою независимость они сохранили именно потому, что первый император Юлиус Лотин был слишком занят сплочением вновь присоединённых к его королевству земель и не мог отвлекаться на постоянные войны с полчищами варваров, терзавших окраины молодой империи. Около полусотни государств получили относительную свободу, признав императора своим сюзереном, и взяв на себя охрану имперских границ. С тех пор многое изменилось. Некоторые государства Приграничья (как их именовали в официальных документах) за двадцать веков растеряли почти всю свою самостоятельность и вошли в состав империи, но остальные настолько усилили свои позиции, что стали создавать серьёзные проблемы самодержцам. Бароны, графы и герцоги по-прежнему приносили присягу императору и клялись защищать границы его владений. И хоть клятвы эти не были пустым

звук, каждый из них жил своей жизнью, в которую не рисковали вмешиваться даже сюзерены. Кочевники по прежнему угрожали спокойствию подданных его величества, и сила их росла. Империя же слабела. Кочевники объединялись, заключали союзы и их орды частенько стирали с лица не только земли и государства Приграничья, но и целые имперские провинции. Поэтому властители Приграничья содержали свои армии, заключали союзы друг с другом, а иногда и с кочевниками. Покойный император хоть и был никудышным правителем, но политиком себя зарекомендовал отменным. Он всегда мог извлечь максимальную выгоду из любого такого союза, благодаря чему, ослабленная до предела империя до сих пор не рухнула под натиском беспокойных соседей. Рогер имел весьма смутное представление и о политике и о принципах управления государством. Именно поэтому старый император собирался женить его на баронессе Рамской. Нельзя сказать, что Рогер был в полном восторге от такой партии. Но и горевать по этому поводу он не собирался. Баронесса была хороша собой, образованна, умна и, как казалось тогда ещё принцу, покладиста. Кроме того, старый лис Кохен (так за глаза звали императора его подданные), недаром слывший знатоком человеческих душ, провёл такую сложную комбинацию что Рогеру,

самому известному бабнику империи, не осталось никакого выбора — он влюбился. Влюбился и попал под ненавязчивое, но сильное влияние своей суженой. Став императором, он ни на мгновение не задумался о кандидатуре на место императрицы. Баронесса, к тому же, прибыла во дворец на следующий же день после смерти старого императора.

Рогера она застала за очередной бутылкой вина. Охрана, благоразумно ретировавшаяся подальше от покоев молодого императора, в течение часа с ужасом слушала его дикие возгласы, после чего наступила тишина. Прошёл ещё целый час, прежде чем стражники отважились приблизиться к покоям Рогера, где и столкнулись с ним. Император был почти трезв, слегка помят, но элегантен и улыбочив. Баронесса же выглядела и вовсе безукоризненно: ни единая прядка не сдвинулась на её сложной причёске, ни одной лишней складки не добавилось на безумно дорогом платье из Гарданского шёлка. Она шла за императором, скромно опустив голову. На следующий день Рогер подписал разработанный специально приглашённым из Уоллса финансистом Рольбеком план важнейших государственных реформ. Из всего, что объяснял финансист, император понял только то, что ему лично будет подчиняться специальный комитет по контролю

над финансами. Рогер тяжело вздохнул, вспоминая пылкий рассказ баронессы о том, как этот самый Рольбек всего за десять лет превратил рассыпающееся герцогство в самое богатое государство Приграничья. Она была неотразима, пылала как факел и манила, как прохладный ручей в летнюю жару... Он не глядя, подмахнул приказ с назначениями на новые должности и углубился в мысли о предстоящей свадьбе. Утром он планировал выехать в Рамс с официальным визитом. Ему предстояло просить руки баронессы Рамской у её отца — старого брюзгливого проходимца. Рогер не любил путешествовать, а тут предстояло пересечь всю империю, для того, чтобы слушать наставления какого-то захудалого графа из Приграничья. Почти неделю морем, потом два дня посуху, да ещё обратный путь! Успокаивало лишь то, что больше подобных путешествий он предпринимать не собирался.

Рогер воровато оглянулся и, убедившись, что в кабинете кроме него никого нет, сдвинул бумаги в сторону. Затем он нервно потёр пальцем один из завитков золотой инкрустации столешницы, и большой кусок узора опустился вглубь стола, открыв взгляду императора спрятанную в тайнике плоскую бутылку. Рогер нежно взял её за горлышко и опустился на пол, любовно прижимая сосуд к груди.

Утро застало его в той же позе. Рогер быстро допил остатки вина и с сожалением заглянул в горлышко бутылки. Затем тяжело вздохнул и с кряхтением поднялся. Отправив бутылку в корзину для бумаг, он уселся за письменный стол и начал подписывать бумаги оду за другой, не затрудняя себя чтением. Бумаг было много, поэтому Рогер просидел над ними не меньше часа. Закончив, он, довольно улыбаясь, встал, потянулся и дёрнул за шёлковый шнур, висевший прямо над столом. Тотчас в дверь робко постучали.

— Да-а! — зевнул Рогер.

Дверь приоткрылась, и в кабинет бочком протиснулся шуплый слуга.

— В-вызывали, в-ваше импе-рат-торское величество? — произнёс он слегка заикаясь.

Рогер улыбнулся: не прошло и недели, как окружающие при виде молодого императора начали впадать в полуобморочное состояние. Его отец был прост в общении, но хитёр, за что и получил к имени Кохен приставку «старый лис». Рогеру же судя по всему светило стать «ужасным», или «хищным»... Он призадумался и улыбка сползла с его лица — определённо, прозвище нужно придумывать самому, иначе можно разделить судьбу двух его предков, один из которых остался для истории «скользким» а другой и вовсе «вонючим».

— Завтрак подай сюда, — хмуро сказал Рогер, — и позови начальника тайной канцелярии.

— Слушаюсь, — пугливо прошелестел слуга и исчез за дверью.

Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, и в кабинет вошёл начальник тайной канцелярии. Перед собой он толкал тележку, на которой стояло блюдо с десятком гелопсусов, и бокал сухого вина.

— Ваше импера...

— Полноте, Сайлис, — перебил своего могущественного подчинённого Рогер, — мы здесь одни. Будет достаточно одного только «сир».

— Как вам угодно... сир! — Сайлис поклонился и поставил блюдо с гелопсусами на стол.

— Кстати, а как вы зовёте меня в своём кругу? — Рогер посмотрел в глаза Сайлису и тот потупился.

— Э-э...

— Ладно, не трудитесь. Я даю вам время, чтобы придумать мне какое-нибудь прозвище. Не слишком помпезное, но и не примитивное. Оно должно быть таким, чтобы ни у кого не возникло сомнений в его народном происхождении. Через две недели я рассмотрю все представленные мне варианты, а вы позаботитесь о том, чтобы нужный как можно быстрее вошёл в употребление. Можете быть свободны, — Рогер махнул рукой и взял с

блюда гелопсус.

Он вяло пожевал нежное мясо моллюска и сделал большой глоток вина. Старый Кохен был заложником дворцового этикета и всегда спускался в столовую, но его первенец не обременял себя такого рода условностями. Он спускался в столовую только тогда, когда его просила об этом баронесса. Сегодня, на беду разносчикам, такого приглашения не было. И всё же, Рогер не стал злоупотреблять вином. В порту уже ждал императорский флагман. Быстро расправившись с гелопсусами, Рогер дёрнул шёлковый шнур и в комнату робко вошёл слуга.

— Помоги одеться, — рывкнул молодой император, и глаза у слуги сделались круглыми от страха.

— Сек-сек-секундочку, — произнёс он, заикаясь, и выглянул в коридор. Тотчас в кабинет вбежали ещё два слуги и принялись метаться вокруг Рогера. Один ещё снимал с него халат, а другой уже натягивал на нежные монаршьи ноги серые дорожные штаны. Третий застёгивал белоснежную рубаху, а первый уже поправлял на ноге сверкающее голенище сапога.

Прошло совсем немного времени, и император во всей своей красе вышел к поданному экипажу. Баронесса уже ждала его.

— Простите, дорогая, — нежно поцеловав ей

ручку, сказал Рогер, — слуги ужасно неповоротливы.

Экипаж плавно тронулся и через четверть часа неспешной езды доставил пассажиров в порт. Рогер элегантно помог баронессе выйти из кареты и повёл её к трапу, мысленно содрогаясь от осознания того, что его ждёт морская болезнь.

Глава 9, в которой выясняется, что неприятности у влюблённого графа ещё не закончились

Пристань, несмотря на поздний час, была ярко освещена. У первого причала готовился к отходу пятимачтовый торговец. Вокруг третьего суетились докеры, загружавшие трёхмачтовую шхуну, доставлявшую к императорскому столу свежие гелопсусы. Их резкий запах смешивался с запахом рыбы и витал над портом. На пятом ждал своей очереди четырёхмачтовый барк-винджаммер с грузом пряностей из южных провинций. Следующие пять причалов были заняты кечами местных перевозчиков. Последний, одиннадцатый, причал пустовал. То есть, он не пустовал, конечно, просто шлюпка, стоявшая у самого его края, терялась на фоне парусников.

Бонжер гер Вофен на мгновение оторвался от телеги, которую сосредоточенно толкал в течение

четверти часа вместе с графом Великолужицким, двумя офицерами императорского флота и четвёркой бывалых гражданских моряков, и царственным жестом показал в сторону шлюпки.

— Нам туда, — хрипло сказал он и снова упёрся в телегу, помогая товарищам развернуть её.

— Иол как бритвой разрезали! — донеслось из шлюпки. — Точно по мидельвейсу!

— Чушь! А балласт? Его тоже?

— Я сам не верил, да мне потом показали камень, разрезанный как пирог ножом.

— Ну и дурень ты, я тебя к местному ювелиру свожу, он такие камни для развлечения делает!

— Эй, бездельники! — хрипло крикнул Бонжер, — А ну, помогите!

— Это ещё что за ворон там каркает? — отозвались из шлюпки.

— Не слишком-то ваше величество жалуют в наших краях, — съязвил Урбан.

— Кто сказал ваше величество? — возле телеги как из-под земли появились два моряка. — Ох, и в самом деле, а я-то думаю, кто там каркает? — не смутился худощавый бородач.

— Поменьше болтай, — остановил его Бонжер, — и помощи погрузить в шлюпку вот это, — он откинул закрывавшую телегу парусину.

— Хе, — усмехнулся второй моряк, — если это те, о ком я думаю, лучше погрузить их не в

шлюпку, а в воду у причала. Только к ногам ещё по камню привязать было бы неплохо, а не то всплывут.

— Вот и я о том же, — поддержал его Тайгат.

— Делай, что велено, — свирепо рявкнул Бонжер.

— Да чего вы злитесь-то, — спокойно ответил моряк, — грузить, так грузить.

— Сначала отвезёшь их, потом вернёшься за нами.

— Будет исполнено!

К концу третьей стражи клипер «Арум» с пассажирами на борту вышел из гавани и взял курс зюйд-вест. Грац с юнгой, несмотря на все уговоры, остались в Каулэре, остальные же участники ночного происшествия, включая Юргена и Лареда, решили «составить компанию лучшему из королей Приграничья».

Пассажирам, несмотря на их количество, были выделены отдельные каюты. Исполнители тайной канцелярии, к пассажирам не причисленные, были размещены в трюме. Причём Бонжер гер Вофен настоял на том, что пленники должны быть освобождены от пут. Команда, наслышанная о делах исполнителей, бурно протестовала, но капитан судна с невозмутимым видом заявил, что судно принадлежит королю Рувала, а посему тот волен делать на нём всё, что ему заблагорассудится.

Пленников развязывали по одному и спускали в трюм под прицелом арбалетов. Когда же все восемь исполнителей заняли отведённые им покои, Бонжер сделал то, что, по мнению и его товарищей, и команды было чистейшим самоубийством: он спустился к пленникам. На палубе воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь скрипом такелажа, да спокойными репликами капитана. Саххен, как впрочем, и все, кто находился возле трюма, лишился дара речи и несколько минут хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Затем опомнившись, он подошёл к комингсу и заглянул в люк. Бонжер гер Вофен что-то рассказывал пленникам, а те внимательно его слушали, не делая попыток напасть на бесшабашного короля, а когда он закончил свою речь стали на колени. Саххен не слышал, о чём говорил дядюшка, но результат его речи был очевиден — пленники давали клятву! Бонжер подошёл к каждому из них, и принял клятву, касаясь пальцами правой руки лба, а левую возложив на плечо. Затем он осмотрел трюм самым тщательным образом и поднялся на палубу. Команда, всё ещё державшая люк под прицелом арбалетов, взирала на Бонжера с таким видом, будто перед ними возник призрачный морской набул.

— Принесите им постели, — с улыбкой сказал

«призрак», — да поживее! И трюм не запирайте! Они присягнули на верность королевскому дому Рувала!

— Но как! — выдавил из себя Саххен.

— Очень просто, — Бонжер хохотнул и похлопал племянника по плечу, — я король, а судно — часть моего королевства, со всеми вытекающими последствиями. Потом я тебе всё объясню. Но сначала ты расскажешь мне об открытии твоего мага. Неужели я дождался этого момента? — Бонжер мечтательно закатил глаза. — Целые сутки! Даже не ожидал от себя такой выдержки! Давай, рассказывай, и пойдём спать. А то я уж не знаю, чего хочу больше!

Саххен вздохнул и как можно короче объяснил суть изобретения.

— Зелье, от которого горит камень? — задумчиво переспросил Бонжер.

— Да, только магии здесь нет никакой, — грустно сказал Саххен, — поэтому на изготовление хотя бы сотни зажигательных бомб уйдут месяцы.

— Времени у нас действительно не много, но это не важно. Я дам задание моим алхимикам. Нечего им попусту казну изводить на поиски философского камня. В кои-то веки настоящим делом займутся. А воевать император не рискнёт. Сейчас во всяком случае. Армию он до сих пор не реформировал, и кроме пограничных легионов за